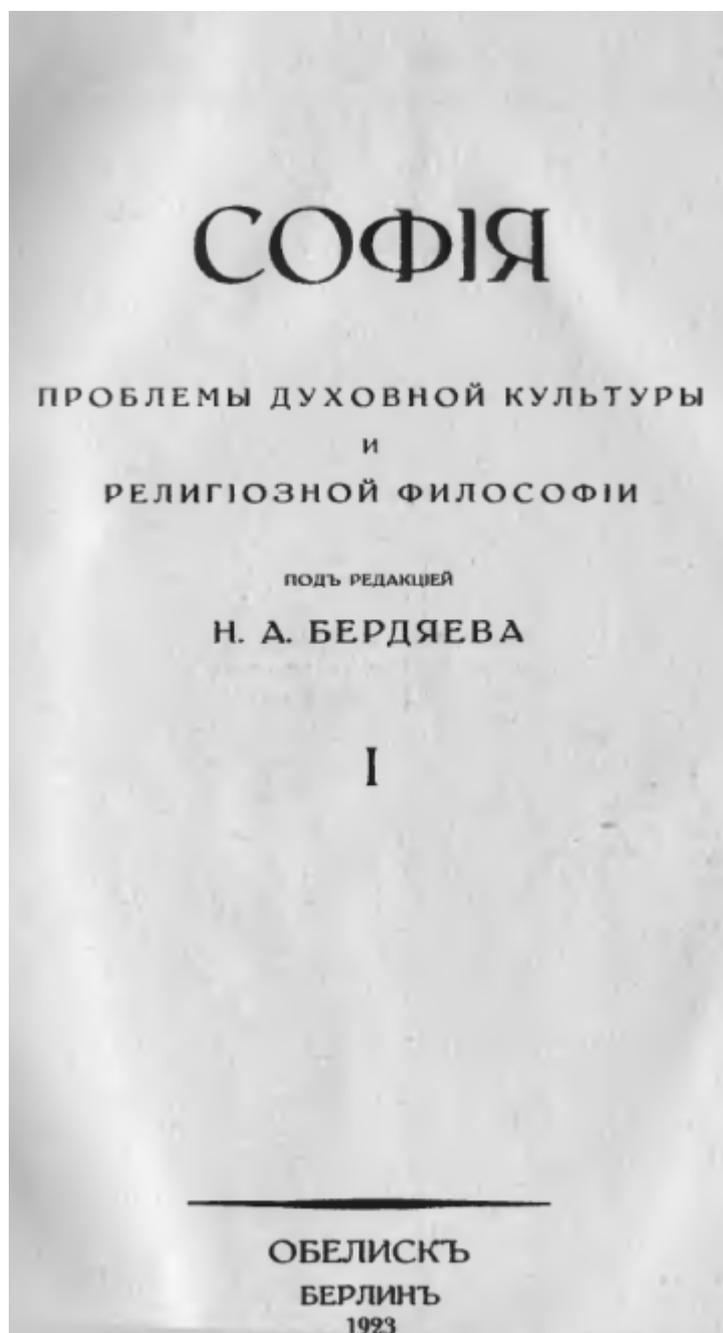

Бердяев Н.А. Живая Церковь и религиозное возрождение России

Разбивка страниц настоящей электронной статьи соответствует оригиналу.

СОФІА
ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
и

РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

под РЕДАКЦИЕЙ

Н. А. БЕРДЯЕВА

I

ОБЕЛИСК

БЕРЛИН

1923

Н. Бердяев

«ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ» И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.

I.

Два рода людей обречено на непонимание сущности и смысла революции — внешние революционеры и внешние контрреволюционеры. И те и другие лишены свободы духа, выброшены на поверхность революционного процесса и одержимы злыми страстями, и те и другие верят, что революция разрушает старую жизнь и создает новую жизнь. Внешние революционеры думают, что революция разрушает старую, безобразную и злую жизнь и создает новую, прекрасную и добрую жизнь. Внешние контрреволюционеры думают, что революция разрушает старую, прекрасную и добрую жизнь и создает новую, безобразную и злую жизнь. Одни чувствуют себя создателями новой жизни, другие — восстановителями старой жизни. Это — вечный самообман, иллюзия, возникающая от направленности нашего зрения на поверхность жизни. Внутренний смысл революционного процесса совсем иной и он закрыт для тех, которые подчиняют свое постижение смысла отрицательным душевным реакциям. Революция, всякая революция (а не только несчастная русская революция) не нарушает старой жизни и не создает новой жизни. Революция по метафизическому существу своему есть догнивание и разложение гнилостного и тленного в старой жизни, отбросы старого строя. В ней

продолжает действовать старое, но в состоянии распада и разложения. Ветхие души, рабски прикованные к прошлому, действуют в революциях. Внутренние движущие начала в революционерах таковы, что они не могут творить новой жизни. Когда души людей, социальных групп и целых народов допустили безраздельную власть над ними отрицательных чувств злобы, ненависти, зависти и мести, они становятся рабами дурного, тленного прошлого, они не могут от него оторваться. Люди революции бессильны увидеть вечное в прошлом, в них нет духа воскрешающего, но они прикованы злобными и мстительными чувствами к тленному в прошлом и не в силах обратить взор свой к грядущему, освободиться от этого прошлого. Революция лишь внешне кажется обращенной вперед, внутренне она всегда обращена назад. Эта одержимость прошлым, выражающаяся в ненависти к

125

нему, в злобном разрушении и возмездии, и производит впечатление революционности по преимуществу. Когда революция, приходя в себя от мстительных и злобных чувств, пытается обратиться вперед, она создает очень неревolutionенные, очень банальные и мелкие вещи, она обнаруживает свою опустошенность. Когда русская революция совершала акты мести, когда в ней была одержимость злобой к старому «буржуазному» миру, она производила очень революционное впечатление, она имела революционный пафос и поражала весь мир своим максимализмом.

Когда революция обратилась к будущему, начала созидать, она создала Нэп, открыла торговлю колбасами, учредила тресты и стала производить совсем уже не революционные, очень «буржуазные» впечатления, потеряла идею и пафос. Революция в состоянии или ненавидеть прошлое и разрушать его, или частично его восстанавливать. Но творческих сил в ней нет. Революция по метафизическому своему существу есть умаление, деградация бытия, она не онтологична, не бытийственна. Она есть лишь рефлекторное отражение внутренних распадов, духовных болезней. Поэтому революции всегда бывают неудачны, удачных революций не бывает и быть не может. Они всегда порождают не то, к чему стремились, всегда переходят в свою противоположность. Революции имеют метафизически реакционную природу и это необходимо изобличить и вскрыть. Революции бывают роком народов, трагической судьбой народов. Их нужно принять, как искупление вины. Но нет ничего более жалкого, как идеализировать их и поклоняться им.

В том же заблуждении находятся и внешние контрреволюционеры. Они не менее революционеров определяют себя отрицательно, а не положительно. Они думают, что в силах восстановить старую жизнь. Но в действительности они погружены в

революционный разрушительный поток и часто являются одной из сил распада. Они также бессильны перейти к положительному творчеству, как и революционеры. Дух времени, несущий разрушение, и в них побеждает дух вечности, несущий воскрешение всякой жизни. Одно и то же зло нередко предстает в истории в разных обликах. Зловещие тени прошлого падают на революционный процесс. И разрушаемое и попираемое прошлое мстит за себя, являясь внутри революции в самых отталкивающих образах. Подлинно же вечное в прошлом уходит в скрытую глубину жизни. Революционеры и контр — революционеры, ведущие внешнюю борьбу за интересы, не могут освободиться от тяжести прошлого и перейти к лучшей жизни, потому что они не хотят начать с единственного, что освобождает дух для творческого дела, — с покаяния. Революционеры всегда будут рабами злого прошлого и бессильны творить, потому что они по основам своего мирозерцания отрицают покаяние, они остаются нераскаянными грешниками, т. е. отяжеленными злым прошлым. Те же, которые борются с революцией и которых революция больно ударила, часто в принципе признают покаяние, но не хотят каяться в грехах, кото-

126

рые довели Россию до революции и не хотят очистить себя от духов злобы. Так революционно-контр-революционные процессы, представляющие разные стороны одного и того же распада, остаются заключенными в безвыходно порочный круг. Бесы злобы терзают душу и тело русского народа, и нераскаянные души делают бессильные попытки творить жизнь.

II.

Революция есть процесс захватывающий все стороны жизни. В России происходит геологический переворот, колеблется и сотрясается вся подпочва жизни. И было бы непостижимо, если бы она не задела жизни Церкви. В религиозной жизни русского народа давно уже было какое то неблагополучие. Православной Церковью духовно жил русский народ в огромных своих массах. Без православной веры он не мог бы вынести своей тяжелой истории. С Церковью связаны были высшие подъемы русской истории. Но весь XIX век наполнен сознанием грехов и болезней нашей духовной жизни, неблагополучия нашего церковного строя. Он обнаруживает разрыв между народом и интеллигенцией, между обществом и властью. Ослабление веры, разложение духовной цельности предшествует революциям. Лучшие православные люди в течении XIX века обличали язвы нашей церковной жизни и искали путей к церковному возрождению. Перед самой революцией тьма сгустилась в точке пересечения русской церкви и русского государства и чувствовалось, что кара Божья должна разразиться. Достаточно вспомнить о роковом образе Григория Распутина. Интеллигенция давно отпала от веры и нигилизмом своим отравляла народ; в народ незаметно просачивалось отрицательное «просвещение»; высшие классы общества, дворянство, чиновничество, буржуазия, относились к вере

внешне и утилитарно и готовы были использовать ее для своих интересов; вершина русской власти была поражена мистическим недугом. Завет Христа: воздайте Божье Богу, а кесарево кесарю, не был исполнен, «Божье» и «кесарево» перемешались. Христианская социальная правда, христианское братство в русском православном царстве не осуществлялись. И потому социальную правду попытаются осуществить не через Христову свободу, а через антихристово насилие. Церковь была пассивна, ибо времена и сроки еще не наступили. Активно было государство, царство кесаря. Оно было активно до революции в одном направлении и стало активно после революции в направлении полярно противоположном. Нестроения и болезни нашей церковной жизни объясняются не тем, что государство господствовало над церковью, что обер-прокуроры угнетали Церковь. Это — внешний взгляд, нерелигиозный взгляд на исторические судьбы нашей Церкви и государства. Наоборот, внутренние слабости и недуги нашей церковной жизни в человеческой ее стороне подчиняли ее государству и давали особенную роль обер-прокурору. Не Победоносцев, искренне верующий человек, виновен в том, что Церковь наша не была достаточно свободна. Внутренний недостаток свободы

127

в церковной жизни вызвал государственную активность Победоносцева в Церкви. То, что совершается в глубине духовной жизни, определяет внешний строй жизни. Порабощение Церкви царству кесаря есть лишь отражение состояния самой Церкви, нераскрытости в ее человечестве, христианского общения, а не порождение злой воли в государстве. Священная русская монархия пала потому, что она потеряла религиозно-мистическую точку опоры в Церкви, она почувствовала слишком большую зависимость Церкви от себя, в то время как сама нуждалась в духовной опоре. Русская Империя стала формой гуманистического самоутверждения, в ней начала господствовать власть от человека, а не от Бога.

И вот наступил роковой час, когда распалась великая цепь, соединявшая православную Церковь с православным царством со времен Константина Великого. Церковь как бы вернулась к состоянию до Константина, она ощутила великую и жуткую свободу. И стала она лицом к лицу с бушующими стихиями мира сего. Священное для самой Церкви царство перестало стеснять Церковь своим покровительством, но ей предстояло столкновение с безбожным царством. Церковь начала наскоро себя перестраивать. И в этом неотложном деле не было еще признаков религиозного творчества. Перестройка Церкви определялась изменением внешних отношений с государством, с мирскими стихиями и происходящими в них процессами. Религиозного движения, стоящего на высоте исторической катастрофы, не обнаружилось внутри Церкви в первый период революции. Революция не затронула еще Церкви внутренне. Церковь заняла лишь оборонительную позицию, охраняла святыни от напора внешнего для нее мира. В стихии революции Церковь обнаружила большую устойчивость по сравнению с другими историческими телами, быстро подвергнувшимися разложению. Она была

единственным духовным убежищем. Русские священники оказались на большей высоте, чем это можно было ожидать от них по историческому прошлому русского духовенства, непривыкшего к борьбе и сопротивлению. Но революция, подобно тяжелой инфекционной болезни, имеет свое неотвратимое течение, она должна дойти до конца, ее нельзя остановить. Должен был наступить момент, когда революция непосредственно и тяжело ударит по Церкви, когда она не только начнет гонения против Церкви, но и пойдет внутрь самой церковной жизни. И тогда встанет уродливый призрак красной церкви. Будет ли это религиозное движение, будет ли в нем творческая жизнь, будет ли дыхание Духа? Что значит возникновение «живой церкви»? Есть ли это начало русской реформации? Есть ли признаки возрождения в «церкви возрождения», в церкви епископа Антонина?

III.

Революционный процесс вошел внутрь церковной жизни и там еще раз обнаружил свой нетворческий характер. Но революция в Церкви имеет более жалкий и отраженный, не самостоятельный харак-

128

тер, чем в государстве и социальной жизни, — она идет в хвосте революции. Революция в Церкви не есть церковная, религиозная революция, она есть лишь отражение социальной и политической революции, приспособление к ней, заражение ее ядами. Во всяком случае, Ленин и Троцкий более первичное, более самостоятельное явление, чем священник Калиновский и епископ Антонин. Епископ Антонин идет за Лениным и приспосабливается к нему, а не наоборот. Это quasi церковное движение идет за политическим движением, исполняет предписания революции социальной и политической. В церковной жизни началась классовая борьба белого и черного духовенства. Дьячки, псаломщики и наиболее демократическая часть белого духовенства почувствовали себя «пролетариатом» и прониклись классовым революционным сознанием. Борьба против епископата и монашества стала борьбой против церковной аристократии и буржуазии. «Живая церковь», «церковь возрождения» и все т. п. явления с внутренне-церковной, внутренне-религиозной точки зрения не означают никакой «жизни» в Церкви, никакого «возрождения» Церкви, никакой церковной реформации или религиозной революции. Наоборот, с религиозной точки зрения все эти явления совершенно «реакционные». Революция радикально отделила Церковь от государства и Церковь вступила в эпоху испытания великой свободы. Я говорю, конечно, о человеческой стихии в Церкви. Божественная стихия в Церкви не может быть ни поработана, ни освобождена. Церковь стала лицом к лицу не только перед безрелигиозным, секулярным государством, но и перед государством явно безбожным, антихристианским. Она должна была определить свои отношения к новому царству кесаря (кесарем именуется в Евангелии не

только монархия, но и всякое мирское царство, хотя бы социалистическая республика). Церковь стала выше политической борьбы, ее отношение к революции было духовным, а не политическим. Это должно быть признано огромной заслугой патриарха Тихона. Православная Церковь осталась на высоте, в ней не было большого творческого движения, но не было и рабской «реакции», т. е. приспособления к новому царству кесаря. И вот реформаторские, обновленческие по видимости движения в Церкви, выявившие себя в так называемой «живой церкви», первые воздали Божье «кесарю», царству мира сего. Живая церковь пала ниц перед безбожным, «кесарем», она отдает церковь во власть государства, делает церковь орудием самого безбожного из государств, она проявляет рабочий, низкопоклоннический дух, возлюбила превыше всего «мир» и то, что от «мира». Она лицемерно пишет на своем знамени свободу и попирает свободу Церкви, свободу религиозной совести. Живая церковь отдает себя во власть не только антихристианского государства, но и антихристианского «просвещения», антихристианского рационализма. Она начинает свою деятельность с доносов на тех, которым грозит расстрел. Она не провозглашает никаких творческих религиозных идей, она говорит только о подчинении Церкви новому государству, о принятии новой церковью коммунизма. Деятели «живой церкви» и есть та пораженная рационализмом часть церковной

130

иерархии, которая первая не выдержала ниспосланного испытания свободы, отреклась от свободы и пошла на соблазн Великого инквизитора во имя миллиона миллионов счастливых младенцев. Трудно представить себе движение, которое до такой степени лишено было бы всякой самостоятельности и всякой творческой силы. Я не буду говорить о подкупности и корыстности некоторых его деятелей, о возможной их связи с органами политической полиции, это не принципиальный вопрос и меня он не интересует. Допустим, что инициаторы «живой церкви» искренни и бескорыстны. Но и в этом случае какие это жалкие фигуры! Ни единой религиозной мысли, никакого творческого религиозного порыва, никаких признаков сознания, стоящего на высоте тех тем, которыми жила русская религиозная мысль XIX-го и XX-го века! Это еще раз обнаруживает, что стихия революции есть сила качественно понижающая, а не повышающая, в ней всегда берут верх начала элементарные и упрощающие. Когда епископ Антонин произносил речи в петербургских религиозно-философских собраниях, протоколы которых были напечатаны в «Новом Пути», он стоял на большей высоте религиозного сознания, ему предносились более сложные и глубокие темы, чем когда он подписывал воззвание «живой церкви» и основывал «церковь возрождения». Произошло ниспадение, «демократизация» качеств религиозных тем.

Повторение пошлых фраз о том, что христианство коммунистично, что первохристиане были коммунистами, не обнаруживает никаких признаков творческой религиозной мысли. Коммунизм этот заимствован извне, от мирской революции, он получен из рук Ленина и Троцкого, и он не означает возникновения у нас какого — либо

религиозного, христианского социализма, в котором есть своя правда. «Живая церковь» есть лишь тень дурного и тленного прошлого, лишь отбросы старой гнили, воспроизведение в новой обстановке старых отношений между Церковью и государством, старого порабощения Церкви, обнаружения давно уже совершившейся убыли Духа в церковной жизни, торжества рационализма в нашей церковной иерархии. «Живая церковь» есть распутинство революционной эпохи, распутинская муть и растление духа. В ней епископы и священники назначаются через органы государственного политического управления. Это и есть проявление глубокой религиозной «реакции» в церковной жизни, угашения Духа, утери духовной свободы, свободы детей Божьих, усыновленных Богом через Христа Спасителя. Это — не религиозное движение, в нем и нет признаков религиозной энергии. Это совсем не реформация. Лютер был религиозно пламенной натурой, у него была религиозная идея, хотя бы и ложная, был религиозный огонь. «Живая церковь» есть лишь приобщение к революционному распаду и разложению рационалистически настроенных кругов православной иерархии, вовлечение их в этот стихийный процесс распыления. Это — бытовое и политическое, а не религиозное явление, знаменующее собою утерю духовной цельности, духовной свободы и духовной сопротивляемости в отношении к стихии революции, враждебной всякому духу. Оно означает ослабление мистического опыта в церковной жизни, в

которой давно уже были заметны признаки отпадения от церковного онтологизма. Русская революция, конечно, есть явление духовного, а не только политического порядка, но в этом своем аспекте она обозначает лишь воинствующее наступление стихийных природных духов на дух, укорененный в Боге. В этом quasi религиозном, церковном движении обнаруживается полное отсутствие самобытного идеала христианского общества. Оно соглашается служить чужому господину, оно готово принять строй общества, основанный на злобе и ненависти, зависти и мести. В православной Церкви и раньше не была раскрыта христианская общественность. Старое общество также не было христианским, в нем была ложь и неправда, которые и довели до революции. Но корысть и зависть, злоба и месть не возводились в перл создания, не становились религией. Старому обществу было все же знакомо сознание греха и покаяния. Новое общество перестает сознавать грех и не хочет больше каяться. Поэтому старая ложь и неправда в нем усилились. Только лжец или безумец способен утверждать, что в революционной России больше христианского братства, чем в России до-революционной. Христианского братства и раньше было слишком мало, но теперь его стало еще меньше, все общественные отношения напоены злобой и ненавистью. Христианство никогда не учило тому, что братство людей может явиться результатом классовой борьбы за материальный интерес, что христианское общение людей может родиться от злого насилия. Деятели «живой церкви» в это, по-видимому, поверили. Они вступились за угнетенных, — дело подлинно христианское, как будто бы не заметив, что угнетенные уже успели превратиться в угнетателей. Христианство должно защищать действительно угнетенных и

духовно осудить гонителей. Это не достигается натравливанием на тех, которым грозит тюрьма, расстрел и изгнание. Соблазн коммунизма у церковных деятелей рождается частью на почве корыстных классовых интересов церковной «демократии», частью же на почве жуткого смешения братства во Христе с принудительным соединением людей в антихристе. «Живая церковь» не есть обнаружение подлинной жизни в Церкви, она есть лишь догнивание гнилого и тленного в прошлом, восстание образов старого греха и старой неправды, проявление духа низкопоклонства перед торжествующей силой, пассивного отдания себя в распоряжение недуховных сил мира сего. Это есть лишь другой образ для той же болезни и неправды нашей церковной жизни, которые выразились и в Карловицком соборе, в попытках сделать православную Церковь послушным орудием внешних и корыстных реставрационных замыслов. Митрополит Антоний Храповицкий, враг имеславства, такой же рационалист и политик, как и деятели «живой церкви». Слишком многие пользуются церковью для политических целей. Творческий процесс в нашей церковной жизни еще внешне не обнаружился. Сильной в ней была лишь верность церковным святыням. Творческий процесс может быть лишь обнаружением духа Христовой любви, которая будет иметь и свое социальное выражение.

IV.

Все попытки реформирования и обновления Церкви в революционной стихии не имеют ничего общего с подлинно творческими темами русской религиозной мысли XIX и XX века. По-видимому, в разгар революционной стихии Церковь может или охранять себя, защищать свою святыню от разрушительных процессов или приспособляться к чуждой ей революции, отступая от своей святыни, она или консервативна в глубоком и хорошем смысле этого слова или вступает на путь отступничества. Творческое церковное возрождение внутри революционного процесса не может обнаружиться. Так было и во французскую революцию. Перед революцией католичество было в упадке, во время революции значительная часть католического духовенства совершила отступничество от веры. После революции, в начале XIX-го века началось католическое возрождение и оно идет до наших дней. Я не сомневаюсь, что после русской революции, после внутренней духовной реакции на нее, после осмысливания пережитого в ней огромного опыта, в России будет религиозное и церковное возрождение. Это возрождение будет творческое, а не просто реставрационное. Только им и может быть спасена Россия. Для Церкви революция будет иметь положительное значение. Все эти годы в глубине России, в душах русских людей происходят молекулярные процессы, которые и приведут к этому возрождению. Русская интеллигенция, традиционно враждебная религии, обращается к религии. Но пока еще это внутреннее движение не может быть выявлено. На поверхности мы видим «живую церковь» или Карловицкий собор, два порождения революционного процесса распада, а не процесса творчества. Творчество начинается после внешних революций, как проявление внутренней революции духа. Эта внутренняя революция духа

может представляться внешним революционерам контрреволюцией, но она никогда не бывает просто реставрацией старого, старой жизни, старого тленного духа. В ней вечное в прошлом соединяется с творчеством новой религиозной жизни, в вечном достигается единство прошедшего и грядущего.

На протяжении XIX-го и XX-го века было в России оригинальное и творческое движение религиозной мысли, было страстное религиозное искание. Чаадаев, славянофилы, — Хомяков и И. Киреевский, Ю. Самарин и И. Аксаков, Достоевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев, Бухарев, Н. Федоров, В. Розанов и новейшие религиозно-философские течения, — какое изумительное богатство религиозной мысли, какая глубина в постановке религиозных тем, какая напряженная духовная жажда! Господствующие в русской интеллигенции течения прошли мимо этого духовного течения, не воспользовались этими богатствами. И официальное русское богословие, официальные церковные течения почти не приобщились к этой огромной духовной жизни. Русской религиозной мысли был свойствен пророческий дух, она многое предчувствовала, предвидела и предсказала. Достоевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев знали о революции совершающейся в духе раньше, чем она

132

совершилась на поверхности истории. И вот страшный час наступил. Вся русская религиозная и философская мысль, вся великая русская литература были низвергнуты в темную бездну, не оказались нужными для революционного процесса. Революция имела других учителей, тех, которые пользовались большей популярностью, но в которых не было дыхания творческого русского гения, гения религиозного. Революция не делала дела Чаадаева и Хомякова, Достоевского и Вл. Соловьева, она делала дело Белинского и Добролюбова, Чернышевского и Плеханова. В революции не воплотилось ни одной подлинно великой и оригинальной русской идеи, но в ней действовала большая и больная русская стихия, предчувствованная подлинно великими и оригинальными людьми. Идеи же были самыми банальными и дешевыми западными идеями. И когда в Церкви начались реформаторские и обновленческие попытки, начались процессы приспособления к революции, то все эти «живые церкви» и «церкви возрождения» начали обогащать церковное сознание и церковную жизнь не Чаадаевым и Хомяковым, не Достоевским и Вл. Соловьевым, а Белинским и Чернышевским, Плехановым и Лениным. Это — замечательный факт. Русским священникам «живой церкви» оказались по плечу дешевые книжки русского социализма, русского нигилистического просветительства, но совсем не по плечу оказались книги великих русских творцов, одухотворенные пророческим религиозным духом. Они перешли от семинарских учебников к пятикопеечным брошюрам русского марксизма. Хомяков и Достоевский более могли бы научить свободе Церкви и свободе духа священников, стремящихся к обновлению, чем Чернышевский или Ленин! Чернышевский и Ленин могут быть только пленом и рабством для Церкви.

Славянофилы совсем не были религиозными консерваторами, хотя они были верны святыням и преданиям предков. Если вчитаться в философско-богословские статьи Хомякова о Церкви и в статьи И. Аксакова по церковному вопросу, то в их учении о христианской свободе и любви — для них христианство было прежде всего религией свободы и любви—можно найти основы для религиозного реформирования (не в смысле реформации) и обновления Церкви. Они изобличали грехи и болезни нашего исторического церковного строя с необычайным радикализмом. А у Достоевского, у Вл. Соловьева, у Бухарева, у Федорова и им подобных, можно найти пророческие предчувствия новой духоносной эпохи в христианстве. Но официальная русская церковность и официальная русская революционность осталась в тисках между православием митрополита Филарета, синодальных обер-прокуроров и епископов-рационалистов, чуждых подлинного духовного опыта, и социализмом и материализмом Чернышевского и Плеханова. Более духовные, сокровенные, мистические течения в православии были связаны с старчеством, с пустынями, и они сейчас еще находят себе выражение в имеславстве, которого так не любят рационалистически настроенные епископы, в смиренных священниках — старцах, в которых и нужно искать подлинно религиозной жизни современной России. Деятели «живой церкви» — наслед-

пики официального, бюрократического, синодально - обер - прокурорского, рационалистического православия, а не православия мистического, православия святых, старцев, странников, православия мистического народного благочестия, взыскующего Града Невидимого, Нового Иерусалима. Все нынешние церковные реформаторы и обновленцы — такие же рационалисты до мозга костей, как и значительная часть наших князей церкви. Тип их противоположен духовно-опытному типу религиозной жизни. Они закончат церковную революцию, когда окончательно отрекутся от всех откровений и таинств христианства, когда превратят Церковь в общину, целиком предавшуюся материализму и социализму, когда в Церкви перестанут совершаться таинства, священники отрекутся от веры в Христа-Спасителя и снимут рясу. Это — предел церковной революции. Но в церковном гонении, а не приспособлении к революционному распаду, должен начаться процесс духовного углубления. Из недр церковных начнется творческое религиозное возрождение, которое будет продолжением подлинно духовного, мистического русского православия и даст церковный ответ на религиозные вопрошания и религиозную тревогу русской религиозной мысли. В Церкви не может быть революции, не может быть и реформации, не должно быть и реставрации. Церковь живет откровением

Св. Духа. И творческий религиозный процесс Церкви есть откровение Духа в христианском человечестве. Религиозное возрождение в России, без которого Россия не может быть спасена, будет мистическим, а не рационалистическим, исполнением великих упований и чаяний христианства, а не заимствованием и приспособлением к тому революционному социалистическому миру, который живет и движется отступничеством от Бога и борьбой против Христовой правды. Оно преодолет неправду и ложь старого мира, но преодолет силой и правдой Христовой.